

18+

НА КРАЮ

ЗЕМЛИ

ОЛЬГА

КЕНТОН

Ольга Кентон
На краю земли

«Издательские решения»

Кентон О.

На краю земли / О. Кентон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743849-4

Московская журналистка Мария Ульянова, расставшись с женихом накануне свадьбы, решает кардинально изменить свою жизнь и отправляется в далекую Новую Зеландию. Доверившись удивительным поворотам судьбы, Маша надеется, что они выведут ее в правильном направлении. Только стоило ли ради этого уезжать на край света или счастье было совсем близко?

ISBN 978-5-44-743849-4

© Кентон О.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	12
4	15
5	18
6	23
7	24
8	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

На краю земли

Ольга Кентон

Посвящается моему мужу

Редактор Марина Проворова

Корректор Марина Проворова

Дизайнер обложки Наталья Кухаронок

© Ольга Кентон, 2020

© Наталья Кухаронок, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4474-3849-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Непривычную тишину квартиры внезапно нарушили резкий стук в дверь и раздавшийся за ней женский голос. «Говорю тебе, мне можно, старый идиот. Отправляйся в свою каморку и сиди там. Ночь на дворе», – услышала я отчетливо, когда подошла ближе. Внутри все неприятно сжалось. Но тут же, после очередного удара в дверь, я подумала, что теперь мне все равно, зачем *она* здесь. И открыла дверь.

– Приехала – значит, это правда. – На меня со злостью смотрела женщина, напоминающая звезду кабаре. На ней была длинная шуба с красным воротником в виде боа, много драгоценностей, блестящих даже в свете тусклой лампы, а из-под шубы выглядывала длинная плиссированная юбка.

– Простите, я объяснял, что уже очень поздно, – пробормотал консьерж.

Искренне пожалев старика, дрожащего от холода в стареньких продуравленных кальсонах и телогрейке, наброшенной, видимо, на тонкую майку, я сказала, что не о чем беспокоиться и он может идти спать вниз.

– Ему и в самом деле не о чем беспокоиться, а мне есть о чем! – проговорила женщина и прошла в квартиру, мельком взглянув на мой чемодан, забытый здесь еще неделю назад, когда я только прилетела в Москву. – И где он?

– Даня? Спит. Не буди его, пожалуйста.

Но она не стала слушать. Не разуваясь, пошла дальше, лишь картинно, словно барыня девятнадцатого века, сбросила свое меховое пальто, но не рассчитала расстояние до кресла – шуба, вместо того чтобы «легко и непринужденно» упасть с плеч хозяйки, свалилась на пол, визуально превратившись в брошенный баул.

– Зачем она здесь?! – через несколько секунд донесся истеричный женский вопль из дальней комнаты.

– Кристина, что ты тут делаешь? – Она добила своего – Даня проснулся. – Уходи!

– Вы что, сговорились? На подмогу ее пригласил? – Она обернулась и посмотрела на меня: – Стоит тут, как бедная родственница, в скромненьком черном платье. Сначала его бросила, а теперь решила еще и квартиру у меня отобрать?

– Это квартира Дани, и никакого отношения к вашим разбирательствам я не имею. Прошу тебя, уйди. Ему очень плохо, он только что принял лекарство.

– Никуда я отсюда не уйду, пока не поговорю с ним. Он как-никак все еще мой муж.

– Муж, которого ты оставила умирать от воспаления легких. Зачем ты опечатала квартиру, зачем подала в суд на него? Все тебе мало, Кристина.

– Ты же сама сказала, что это не твое дело... Вот и не лезь.

– Кристина, – Даня сильно закашлял, но все же нашел в себе силы привстать, опираясь на локти, – каким образом ты обнаружила, что приехала Маша, не знаю. Но почему ты считаешь, что имеешь право врывать ко мне ночью домой и устраивать скандал? Уходи, пожалуйста.

– Уйду, если пообещаешь продать квартиру и отдать мне половину денег.

– Уходи, – вмешалась я, – иначе я сейчас позвоню в полицию.

– Вижу, вы хорошо спелись. А ты не думал, Германов, об истинной причине ее появления здесь? Может быть, она сейчас тебя напоит, а потом заставит подписать завещание, и все.

– На такой феерический бред я даже не знаю что ответить, – улыбнувшись, прокомментировал Даня, но тут же его одолел сильный кашель. Он не смог удержаться на локтях и упал на подушку.

Я схватила Кристину за рукав блузы, с силой дернула на себя и сказала: «Убирайся! Хочешь судиться – ищи адвоката, и хорошего, а то ничего не получишь». Кристина с ненавистью посмотрела на меня, схватила свою сумку, шубу и вышла, резко хлопнув дверью.

Закрыв за ней, я вернулась обратно. Когда вошла в комнату, Даня уже спал.

Он был очень болен. Я проводила у его постели все свободное время, которого у меня теперь было в избытке, ухаживала за ним и возвращалась в снимаемую на Тверской квартиру поздно ночью, когда Москва замирала, погружаясь на несколько часов в неожиданную, странную тишину. Я шла пешком от его дома на Никитском бульваре, который плавно, едва заметно для пешехода, сливался с Тверским. Проходя по заснеженным, одиноким в поздний час аллеям, словно приезжий, рассматривала подсвеченные фонарями здания, иногда узнавая их, иногда пугаясь неожиданных трещин, обрушений, провисших балконов. В такие моменты я понимала, что с трудом узнаю Москву, оставленную три года назад. Казалось, город стал другим за время моего отсутствия, или, может, это я изменилась.

В воздухе навязчиво летало одиночество. Оно, словно старая ведьма, поджидало здесь на каждом углу, неожиданно набрасываясь, и вот ты уже околдован, и поделаться ничего нельзя. Я останавливалась посреди улицы и подолгу стояла, не шевелясь, прислушиваясь то к тишине, то к собственным мыслям. Редкие прохожие удивлялись, подходили ближе, заглядывая в лицо, но вместо доброй улыбки, страха или злобы они видели отчаяние и тут же отступали. Я понимала, что людей пугает подобная откровенность. Нельзя в этом городе показывать свои истинные чувства. Здесь просто нет для них места. Остановиться посреди улицы в два часа ночи и закричать, что ты счастлив, или плакать, рассчитывая на сострадание, бессмысленно. Гораздо легче здесь воспринимаются грубость и ложь, а сочувствие и улыбки – отталкивают, в них почему-то никто не верит.

Добираясь к дому на углу, где пересекается бульвар с Тверской улицей, я, борясь со страхом, заворачивала во внутренний двор, заставленный машинами, и поднималась на второй этаж. Окна спальни и гостиной выходили на проезжую часть, из-за чего их всегда приходилось держать закрытыми. Фасад дома был обвешан темно-зеленой сеткой, иногда мне начинало казаться, что я живу не в квартире, а в каюте пиратского корабля.

После длительного отсутствия в Москве я с трудом воспринимала ее ритм жизни с бесконечным шумом, машинами, сотнями прохожих на тротуарах. Возвращаясь ночью домой по темным улицам, я боялась поворотов, подземных переходов, неработающих фонарей. Ко мне подходили нищенки и бомжи, просили подаюния и, ничего не получив, с руганью провожали. Машины, останавливающиеся возле ресторанов на Тверском бульваре, сигналили, затемненные стекла в них опускались, и оттуда показывалось чьи-то самодовольные мужские лица, со мной пытались заговорить. Я еще больше укутывалась в шерстяной шарф и воротник пальто, пыталась убежать, понимая, что стала чужой в собственном городе.

На следующий день повторялось то же самое. Я снова отправлялась к Дане, заходя по дороге в магазин, покупала там еду к обеду, готовила на маленькой кухне, чем очень поражала его – ведь еще три года назад я не могла приготовить даже омлет.

А еще Даня удивлялся, что я везде хожу пешком. «Разве тебе не холодно?» – спрашивал он меня и замолкал от сильного кашля, сдавливавшего горло. «Нет, я так соскучилась по снегу, – отвечала я. – Это, наверное, единственное, что осталось в Москве неизменным. Россия, метель...» – И садилась рядом на диван. «Ты забыла сказать «революция», – добавлял Даня. – «Россия. Революция. Метель».

Я улыбалась, предлагая ему что-нибудь почитать. Даня соглашался, и я ему читала все без разбора. Несмотря на скудность обстановки, библиотека у него была по-прежнему роскошная, но как-то хаотично собранная, поэтому книги я выбирала по собственному вкусу и настроению: Набокова, Ремарка, Тургенева, Моэма, Камю, Сартра, Уайльда, Гессе, сонеты Шекспира. Особенно часто он просил меня перечитать девяносто седьмой сонет:

*Казалось мне, зима тогда пришла,
Когда в разлуке жили мы с тобой:
О, что за стужа и сырая мгла?
Что за декабрь, промозглый и нагой...*

– Действительно так, – говорил он. – Только вместо декабря сейчас февраль. И вот ты здесь. Скоро все закончится, снова наступит весна, появится солнце, распустятся листья на деревьях. И ты будешь здесь. Вот так же будешь приходить ко мне – садиться рядом возле этой лампы, ставить поднос с чаем и печеньем, а я буду любоваться тобой новой, совсем другой... Ведь ты больше не уедешь, Маша, ты больше никуда не уедешь? – Он спросил с надеждой, словно хотел, чтобы, даже если это неправда, я его обманула и ответила: «Да».

– Даня, зачем ты спрашиваешь? – Я увидела, как он прикрыл веки, словно засыпая, и тяжело вздохнул, а потом снова закашлял. Подала ему стакан теплой воды с лимоном: – Выпей.

Он взял стакан, но удержал мою ладонь в своей.

– Ты удивительная, добрая девушка. Почему все так произошло? Почему ты так внезапно уехала? Сейчас ты же можешь мне рассказать, что тогда творилось в твоей душе?

2

А в моей душе три года назад было смятение. На тот момент мы с Даней знали друг друга уже одиннадцать лет, из них первые пять прожили вместе, вторые пять... хм, забавно, получается, тоже прожили вместе, но всего лишь как друзья, которые делят общий кров и общий стол. А тот оставшийся хвостик длиною в год – это было временем самой искренней, преданной дружбы, узнавания друг друга. Но однажды я вдруг поняла, что не знаю этого человека, а с еще большим ужасом осознала – не знаю себя. И захотелось бежать.

Случилось это тогда, когда произошел очередной обвал на биржах. Рекламное агентство, открытое Даниилом еще в пору начала наших отношений, терпело убытки. Клиенты разрывали контракты, уменьшали заказы, сокращали рекламный бюджет. Мне всегда казалось, что Даня не из тех людей, кто будет паниковать в подобной ситуации. Ведь такое с ним уже бывало! Он открыл фирму в преддверии первого финансового кризиса в России, но благодаря уму, таланту и вере в себя устоял. Жизнь вообще изрядно помотала его.

В два года он лишился матери, затем отец отдал его на воспитание бабушке и дедушке, а когда Даня подрос, его отправили учиться в частную школу в Лондоне, где он жил абсолютно один. Окончив школу и вернувшись в Москву, Даня узнал, что старики давно умерли, а отец женился на другой. Родных у Дани, кроме отца, не осталось. У него не было даже двоюродных братьев или сестер, чтобы хоть как-то ухватиться за принадлежность к семейному очагу. Он был один абсолютно один в этом мире. Я не знала другого человека его возраста, через чью судьбу прошло уже столько потерь. Казалось, что смерть его любимой девушки Насти в автомобильной катастрофе, в которой он тоже едва не погиб, и потом запоздалая новость о ее предательстве сломят его. (Совершенно случайно я нашла скомканный фотоснимок с результатом УЗИ: Настя ждала ребенка от другого человека, втайне надеясь, что ее обман никогда не будет раскрыт и Даня станет ей мужем и отцом ребенка.) Помню, как он с трудом выкарабкивался. А я всегда была рядом, пытаюсь вселить надежду, никогда не давала ему замкнуться в себе.

Во время следующего, августовского кризиса я поняла, что теперь не в силах ему помочь. Даня словно сломался, начал пить и ненавидел весь свет. Упомянуть в доме о неоплаченных счетах, письмах из банка, кредитах стало невозможным. Даня постоянно твердил: «Почему мы не поженились сразу, почему мы просто не пошли в загс? Сейчас ты была бы моей законной женой...» Может быть, это был не финансовый кризис, а мой собственный? Но я стала ощущать давление с его стороны, словно он сам подталкивал к решающему шагу. Я поддерживала его как могла, но не видела отдачи. И вдруг осознала, что потеряла три года жизни...

Поэтому, проснувшись однажды утром, увидела Данины взъерошенные волосы и медленно произнесла: «Да-ня, я не хочу свадьбы». Наверное, это был не самый лучший момент, чтобы сообщить подобную новость. Даня мгновенно открыл глаза, провел рукой по волосам, взглянул на часы, словно следователь, которому важно запомнить время прибытия на место, где было совершено преступление. Именно преступницей я себя и ощущала, особенно после того, как он сказал:

– Хорошо, можно обойтись и без свадьбы. Сходим в загс, распишемся, и всего делов. Главное – родителям твоим объяснить, чтобы не обижались.

– Нет, ты не понял. – Мой голос дрожал, я понимала, что говорю нечто ужасное, но не сказать не могла. – Я не хочу замуж – ни за тебя, ни за кого-либо другого.

– А чего же ты хочешь?

– Не знаю. Я хочу побыть одна. Мне нужно время.

– Сколько? Неделя, две?

– Не знаю, может быть, полгода, год.

– Но наша свадьба назначена на 20 сентября, осталось меньше месяца, – чуть ли не закричал Даня.

– Я не хочу свадьбы, Даня. – Он, наверное, надеялся, что я просто психую, что мне нужна пара недель, чтобы успокоиться, а потом я все равно приду к нему, обниму и скажу «прости». – Давай все отменим.

– Почему? Я что-то сделал не так? Или... это из-за кризиса?

– Нет, кризис здесь ни при чем. Ты знаешь, что у нас уже все оплачено.

– Вот именно.

– И что? Я должна выйти за тебя замуж только потому, что закуплена еда и шампанское? Что за примитивная причина! Идите, ешьте и пейте без меня, отмечайте мой отъезд.

– Ты куда-то уезжаешь?

– Нет, никуда я не уезжаю... – Я осеклась: рано было посвящать его в мои дальнейшие планы, тем более что и сама я на тот момент не была уверена в своем решении. – Я просто хочу быть свободной, счастливой... А я задыхаюсь. Задыхаюсь от московской пошлости, оттого, что все вокруг меня, узнав, что скоро выхожу замуж, интересуются не что я чувствую, а есть ли у нас квартира, не чем я занимаюсь, а сколько ты зарабатываешь, куда мы отправимся в свадебное путешествие. Им безразличны наши отношения – им нужны признаки благополучия.

Даня, а самое ужасное... Ты посмотри: что я сделала за эти три года? Ровным счетом ничего. Ходила по магазинам, встречалась с подругами, обсуждала модные тряпки и думала, что так правильно. Почему ты не остановил меня? Я даже водительские права не получила, а ведь хотела. Ты помнишь, как мы планировали отправиться в путешествие по Европе на машине? И кто ее повел бы? Только ты... потому что я не умею.

– Значит, это истинная причина? – Даня попытался рассмешить меня, видимо, надеясь разрядить обстановку, но это было бесполезно.

– Не говори глупости. Ты знаешь, что нет. Я не понимаю, как вообще могу быть тебе интересной после всего. Работы не нашла, а ведь я журналист. И мечтала в детстве о том, как буду ездить в опасные точки мира, писать оттуда сумасшедшие репортажи, которые будут читать все люди на планете. Я хотела выучить французский язык, хотела путешествовать, изучать

новую культуру, а вместо этого стала банальным копирайтером, пишущим скрытую рекламу для женских журналов. И это даже не глянец. А ведь о нем я тоже мечтала... Показы мод, дефиле, кинопремьеры – а я беру интервью у знаменитостей, веду собственный блог о моде. А ничего такого нет, будто это всего лишь моя больная фантазия. Я даже не уверена, что могу сейчас написать что-то интересное.

Даня молчал, слушая мои слова. Его лицо выражало что-то непонятное – то ли сожаление, то ли беспокойство. Я не знала, о чем он думал. Осуждал? Понимал? Жалел? Ненавидел? Что? Что происходило в его мыслях?

Я не знала, как объяснить ему, что происходит в моей душе. Чувства долго боролись с желаниями. Я очень любила его, но ощущала, что делаю что-то не так. Сколько всего он знал обо мне, сколько всего видел, хотя и столько же было для него тайной, похороненной мною в недрах собственной памяти. Как порвать с ним – вот сейчас встать и уйти, не найдя подходящих слов? Что-то держало меня, не давая броситься к шкафу и начать собирать вещи. Я провела рукой по Даниным волосам.

– Что ты делаешь? – спросил он.

– Давай проведем этот день вдвоем. – Я словно надеялась, что еще что-то можно исправить, найти выход. Меня поразило его молчание, глупое смирение, как будто он отпускал меня, даже не пытаясь удержать. Неужели он не любит меня? Неужели ему все равно, здесь я или нет? Сколько раз он уже так делал, легко давая мне свободу и так же легко принимая? Значило ли это, что ему все равно? Тогда что тут пытаться спасти? – Только ты и я, позавтракаем круассанами и кофе, а на обед купим бутылку шампанского и фрукты, прогуляемся по парку...

Но мы остались дома. Даня, словно колдун, заманил меня в свои объятия и не отпускал. Мы раскрыли окна, включили музыку, завтракали и обедали, не выбираясь из постели. Поужинали, сидя за маленьким столиком на балконе в красивой романтической обстановке, которую влюбленные обычно выбирают для первых свиданий, но для нас это было горькое прощание. Время до расставания медленно, но верно начало свой отсчет. Уже было слышно, как оно с треском врывается в нашу жизнь, круша все, разрушая, словно землетрясение, не оставляя ничего, никакой твердой почвы под ногами. Руинами и грудой ненужных камней казалась мне моя жизнь.

Через две недели мы отменили свадьбу, я временно переехала жить к родителям и в один из дней отправилась на Покровку, чтобы подать документы на визу в Новую Зеландию – убежать дальше было просто невозможно. Даня ни о чем не знал. Он ушел в тень, затаившись и выжидая.

3

Никто не принимал и не понимал моего отъезда. Когда я совершала глупости, влюблялась в первого встречного, уезжала с ним отдыхать через несколько дней после знакомства, как это было с итальянцем Марко, а потом и вовсе планировала выйти за него замуж, почему-то меня никто не останавливал. Возникало ощущение, что мои действия не воспринимали всерьез. «Маша? Да разве она уедет из Москвы? Ни за что... Это ее очередная странность. Вы же знаете Машу – она всегда возвращается» – наверное, так рассуждало большинство друзей и знакомых. Но стоило мне со всей серьезностью заявить, что я хочу уехать куда-то одна, как все тут же бросились меня отговаривать. Мама и вовсе обвинила в неблагодарности: она потратила два года на планирование нашей свадьбы, а я не только передумала выходить замуж, но и решила, как преступник, сбежать с места правонарушения.

Что я такого сделала? Все, что мне было нужно, – это разобраться в самой себе. Я поняла, что не знакома с девушкой, смотревшей на меня каждый день из зеркала. Я не знала, чего она на самом деле хочет.

По всем московским представлениям о жизни, я должна бы считать себя счастливой. Словно кто-то спрашивал: «А что тебе еще надо?» Жених, квартира в центре столицы, возможность ходить по магазинам, встречаться с подругами... Что еще мне было нужно? Я понимала, что не могу выйти за Даню после всего, что было до него и во время наших отношений, словно сами эти отношения застряли где-то в перерывах «между». Мне нужно было что-то большее, чем «наконец-то вместе, наконец-то счастливы», хеппи-энд свершился...

Я сбежала с собственной итальянской свадьбы, испугавшись, осознавая, что не люблю Марко, и вернулась в Москву, где был Даня, принявший меня такой, какая я есть. Безоговорочно. Словно и не было перерыва длиной в пять лет. Казалось, что все эти пять лет, что мы жили под одной крышей как друзья, он просто выжидал правильного момента, той самой минуты, когда я подойду к нему и попрошу остаться со мной навсегда. Разве после этого что-то должно было измениться? Но в меня откуда-то закрались страх и неуверенность, а еще стыд. Имела ли я право воспользоваться его свободой? Нет. Нельзя выпрыгивать из одних отношений и тут же влезать в другие, тем более с бывшим возлюбленным, и надеяться, что прошлое забудется, а совершенные ошибки растворятся, как песчинки сахара в стакане горячего чая, и никогда не всплывут на поверхность.

Единственным человеком, который не упрекал меня ни в чем, не пытался отговорить от задуманного, была Лера. Вот что больше всего я ценю в друзьях – это тактичность. Когда я сказала ей, что уезжаю, Лера не стала отговаривать меня или пытаться выяснить почему. Она приняла это, как есть. И приехала проводить в аэропорт.

Несмотря на то, что решение об отъезде было принято мной самостоятельно, я по-настоящему нервничала. Много из того, что должно было свершиться вот-вот, я делала впервые в жизни. И более того – одна. Я никогда не летала так долго на самолете, не жила дольше пары месяцев в другой стране, не знала, как это – оказаться абсолютно одной в чужом месте, ведь во всех моих путешествиях со мной были либо подруги, либо любимые и нелюбимые мужчины.

– Понимаешь, люди приходят и уходят из твоей жизни не просто так, – говорила я Лере, докуривая, наверное, десятую сигарету.

Лера спокойно пила кофе и, казалось, анализировала каждое мое слово. Подруга явно переживала за меня и принятое мной решение, но пути назад уже не было. Поэтому я продолжала развивать для самой себя и Леры теорию о закономерности всего происходящего и о том, что все это должно быть к лучшему.

– Когда я сбежала от Марко, – продолжала я, – и вернулась к Дане Германову, думала, что лучшего варианта для меня просто быть не может. Что вот оно, то самое счастье, которое постоянно было вокруг меня. Наверное, уже тогда надо было задуматься, что вернулась я в тот день к закрытой двери, а ключей у меня не было.

– Ну это же еще не знак.

– Знак, Лер, еще какой. Мой собственный дом, а войти не могла.

– Ты просто сейчас так говоришь.

– Ну может быть, но не в этом же дело. А в том, что ничего не получилось. Почти два года мы провозились с Даней, размусоливая наши отношения, раскладывая по полочкам, что было, что будет, чем дело закончится. И к чему все это? Свадьба, хлопоты, моя мама чуть с ума не сошла от этих приготовлений. Точнее, это я сходила с ума, когда она мне звонила по пятьдесят раз на дню с вопросами: а можно ли пригласить тетю Зою, которая приезжала к нам как-то летом, когда я была еще трехлетним ребенком, а она нянчилась со мной. Какая, к черту, тетя Зоя? У Дани, конечно, с этим все проще было, родственники в ограниченном количестве. Но и то, откуда ни возьмись, вырисовался его отец. С документами полез, что раз уж сын женится, то нужно контракт и прочее.

– Ты, кстати, деньги-то от него за половину квартиры получила?

– Да, отдал. Теперь наша бывшая квартира оформлена полностью на него. А мебель я оставила. Не хочу никаких лишних напоминаний о прошлом.

– Так что, значит, все?! – Лера как будто только поняла, что мое решение расстаться с Даней окончательное и бесповоротное.

– Да, – запнувшись, сказала я. Сомнения снова вернулись: а правильно ли я делаю? Но я соврала Лере: – Назад пути нет. Ничего не получилось, одиннадцать лет жизни потрачены впустую. Я не хочу больше таких ошибок.

– Конечно, признаться себе, что ошиблась в выборе человека, с которым живешь, тяжело, – вздохнув, добавила Лера, но было видно, что она удивлена моим решением не меньше других друзей. – Мы думали, это ваш очередной перерыв в отношениях, но уезжать вот так, в никуда... Ладно, если бы это было из-за мужчины...

– Вот именно чего я не хочу, так это уезжать из-за кого-то. Я хочу сделать это ради самой себя. Все это время я бросалась вдогонку за кем-то либо убегала от кого-то. Настало время просто оказаться в компании собственных мыслей.

Когда я рассказала моей маме, что собираюсь ехать в Новую Зеландию, она сразу же вспомнила о своей двоюродной сестре, которая уже лет пятнадцать жила в Окленде, уехав туда сразу после развала Советского Союза. Мама тотчас же написала той трогательный e-майл и получила ответ, что тетя Клава (боже мой, с таким именем, да еще и в Новой Зеландии) будет рада приютить двоюродную племянницу у себя. Я уверяла маму, что это совсем не обязательно, но та настояла. Только чтобы не расстраивать ее окончательно (кажется, она больше всех переживала мой разрыв с Даней и, наверное, считала меня полной дурой, но не высказывала этого вслух), я согласилась – с условием, что поживу у нее недолго, пока не подыщу себе жилье. Наверное, как и все, родители надеялись, что это моя очередная бредовая идея, которая быстро мне наскучит, и я вернусь обратно в Москву, вернусь к Дане или, во всяком случае, к нормальной жизни.

Свое желание эмигрировать я не могла оправдать политическими гонениями или религиозной необходимостью. Все, что мною двигало, – это желание перемещаться, искать, находить. И именно этого не могли понять и признать мои друзья. Мы живем во время, когда почти все границы открыты, когда от других стран тебя отделяет несколько часов лета на самолете и, возможно, необходимая виза в паспорте.

Не понимали они еще и того, что не от Дани я хотела сбежать. Все эти годы я слишком долго искала чего-то и, не найдя, потеряла саму себя. Мне нужно было время для размышлений, мне нужно было одиночество. Ведь только после него может прийти обретение.

4

Так судьба или собственная прихоть забросили меня в Новую Зеландию.

Может быть, потому, что время перемещения сейчас значительно сократилось, невыносимые чувства скитания и тоски были не так ощутимы. Множество раз представляла себе, что, живи я в девятнадцатом веке и даже в начале двадцатого, когда люди были вынуждены тратить по полгода на путешествие, наверное, моя тоска носила бы постоянный характер.

За несколько часов полета трудно понять, что вот еще совсем недавно ты была «там», а сейчас уже нет. Какая-то часть тебя все еще застревает в пространстве недалекого прошлого, заполненного лицами знакомых людей, запахами, погодой, а пропадает не тогда, когда самолет приземляется на новом месте, а когда твои собственные ноги ступают на чужую землю, когда начинаешь дышать другим воздухом, слышишь новые голоса.

Может быть, вся прелесть долгих, тягостных путешествий именно в том, что они дают возможность свыкнуться с перемещением, прошлое уходит медленно, растворяясь в туманной дали, разрезаемой белоснежным кораблем, плывущим по океану. Да, только в путешествиях на корабле или на поезде можно почувствовать, как замедлилось время, ощутить его во всем величии и неподвижности.

Но находиться во власти прошлого во время полета до Окленда мне не удалось. Когда после очередной пересадки, третьей по счету, я вошла в самолет и заняла свое место, то услышала: «Значит, вы тоже в Окленд собрались? А мы с женой гадали, сошли вы в Австралии или летите дальше с нами».

– Как видите, дальше с вами. – Я улыбнулась своим попутчикам – молодой паре. Они показались мне приятными, и я бы с удовольствием с ними пообщалась, будучи обыкновенной туристкой, летящей на заслуженный отдых, а не сомневающейся в своих истинных желаниях и потребностях девушкой, решившей искать спасения в Аотеароа¹.

Но избежать общения все же не удалось, потому что эти двое, выспавшись во время предыдущего полета, сейчас были полны сил и энергии.

– Только три часа осталось, – сказал мужчина. – Это такие пустяки. Все самое тяжелое уже позади. – А вы надолго в Зеландию?

– Не знаю, как получится, еще не планировала.

– А что виза говорит?

– Не знала, что визы умеют разговаривать.

– Ха-ха, – рассмеялся мужчина, – хорошая шутка. Глупая, но хорошая.

«О боже», – подумала я.

– Алекс, – вмешалась его жена, – ну что ты пристал к девушке. Едет человек отдыхать или работать, какая разница?

– Просто интересно. Может быть, мы могли бы чем-то помочь.

– А вы уже не первый раз туда? – Я решила быть вежливой.

– Второй, – сказала девушка. – Кстати, меня зовут Лида. А это мой болтливый муж – Саша, но лучше звать Алекс, чтобы привыкал, что уже не в России.

– Навсегда туда?

---

¹ Новая Зеландия (маори).

Алекс кивнул.

– Пэ-эм-жэ. – Он рассмеялся. – Как всегда, слово из трех букв меняет жизнь русского человека.

– Круто. А почему Новая Зеландия?

– А куда еще? – сказала Лида. – В Америку? Там и без нас русских хватает. В Англию не въедешь, в Европу – Саша никакими языками не владеет, кроме английского. Ему много не надо – регби да пиво, а погода лучше, чем у нас. Как тебя зовут? Ты так и не представилась.

– Маша.

– Значит, наша. – Видимо, это был стиль Алекса – говорить шутками-прибаутками. – А ты чего забыла в такой дали?

– Ничего, захотела увидеть страну.

– То есть ты уже весь шар земной объездила?

– Нет, но это же еще не причина не ехать в Новую Зеландию.

– Не понимаю, как можно ехать в такую даль, да еще и одной. Как же тебя отпустил твой парень?

Я увидела, как Лида слегка ударила Сашу по руке. Да, вопрос был не самый приятный.

– У меня нет молодого человека, в графе «отношения» написано «single».

До чего же я не люблю это сочувствующее выражение лица, которое появилось у них после сказанной мной фразы: уголки губ опустились, а на лбу образовалась по-детски трогательная складка-домик. Возникло ощущение, что я сообщила о неизлечимой болезни и это последние дни в моей жизни. Неужели окружающим так страшно слышать подобные фразы? Ведь я не одинока, а именно одна. У меня есть мои друзья, у меня есть родители, у меня есть...

Тут-то я и задумалась: есть ли у меня еще что-то? Не было ни любимого дела, хобби, страсти, не было того, ради чего ты можешь не спать сутки напролет, за что ты переживаешь, того, что делает счастливой. Но разве могла я объяснить это двум попутчикам?

Но Алекс тут же решил мою проблему:

– Тогда еще круче, найдешь себе классного парня. Ходи на регби. Это очуметь какая игра, и одни мужики.

– Да они просто гориллы, – возмущенно сказала Лида, словно ее муж подсовывал мне что-то второсортное.

Я рассмеялась:

– И, наверное, в зелени. Это моя специализация.

– В каком смысле? – спросила Лида.

– Потом как-нибудь расскажу, долгая история.

Так мы и подружались. Вначале я подумала, что Алекс и Лида очень занудная пара, но они оказались веселыми и незаурядными. Всю дорогу Алекс шутил, и я не заметила, как быстро прошло время – и вот уже самолет пошел на снижение.

Добрались-таки! После тридцатидвухчасового перелета с остановками в Дубае, Бангкоке и Сиднее. Если подумать, маршрут короткий – «три остановки – на четвертой», но в реальности оказалось очень-очень долго.

В Бангкоке пересадка длилась всего лишь час, но успела изрядно вымотать. Почти весь этот час я провела стоя в очереди – сначала на проход через терминал для прибывших рейсов, затем через терминал на посадку, где снова проверяли, а в довершение всего – перед посадкой в самолет. Здесь ручную кладь просматривали досконально, выворачивая наружу все содержимое, не брезгуя залезать в пакеты с грязным бельем, рыться среди объедков, свернутых в кулек, с тем же равнодушием доставали бюстгалтеры, пересчитывая их, словно в магазине, и громко спрашивали: «А это что? А зачем?»

Пассажиры сменились: большинство русских вышло на первой остановке в Дубае, салон самолета заполнили арабы и азиаты. В Бангкоке же посадки ожидала новая партия пасса-

жиров – индусы. Вынужденно выстаивая в очереди, я вдыхала слежавшийся аромат карри, исходивший из разноцветных баулов и старых потрепанных чемоданов, слышала шелест сари по полу, ловила мелодичные, похожие на струи капавшей воды, звуки голосов... Как поняла потом, индусы отправлялись в Новую Зеландию в поисках лучшей жизни, так же как в Москву и Санкт-Петербург едут из всех бывших республик и других развивающихся стран.

Об Индии я всегда имела какое-то возвышенное представление, но тут поняла, что правильно сделала, не выбрав ее местом моего паломничества, а ведь этот вариант тоже рассматривала. Я представляла себе, как уеду в какой-нибудь ашрам, буду проводить все дни в молитвах, поститься, изучать мантры, медитировать. Но попробовав сделать это в квартире родителей, не выдержала и десяти минут – стало скучно. Нет, мое тело не было готово к безмятежному погружению в нирвану, помимо духовного роста ему нужно было что-то еще... В аэропорту Бангкока я только обрадовалась своему решению: не будучи никогда расистом, я ощутила, что мне противно находится в окружении этих людей, большинство которых не знало элементарных правил поведения в общественном месте, не говоря уже о гигиене: один из индусов, сидящий в одном ряду со мной, начал есть принесенную еду руками, даже не удосужившись их перед этим вымыть. Но самым неприятным был момент, когда я спала и почувствовала, как кто-то меня толкает под локоть. Сначала я подумала, что это играет ребенок. Но когда это снова повторилось и я решила обернуться, то увидела рядом с собой уродливую грязную ступню в разорванном носке с длинным отросшим почерневшим ногтем на большом пальце. Это была нога старой женщины, сидевшей позади меня.

Когда самолет подлетал к Окленду, я стала размышлять: что же меня ждет в этой стране?

– Куда ты сейчас? – спросила Лида, когда мы уже шли по длинному серому коридору с множеством стеклянных дверей. Первое, что бросилось в глаза, – это надписи на совершенно непонятном языке и фотографии людей, лица которых были раскрашены замысловатыми зелеными татуировками. Еще более угрожающей выглядела надпись на плакате, запрещающая провоз еды, жидкостей и растений.

– Меня тетя встречает, поеду к ней. Лида, а что все это означает? Я ничего не понимаю. Что за язык?

– Маори, – ответила Лида. – Ты здесь повсюду с этим столкнешься. Это второй официальный язык. Ты разве не знала?

К своему стыду, я действительно не знала. В этом плане мое путешествие в Новую Зеландию было совершенно спонтанным и неподготовленным. Я не взяла с собой путеводителей, не прочла ни одной книжки по истории страны. Помню, как, потратив минут двадцать на поиск информации в Интернете, решила, что разберусь на месте. Побросала в чемодан всего понемногу, надеясь, что этой одежды мне хватит на первое время, планируя вернуться из новозеландского лета в московское.

– А есть еще и третий – язык жестов, – продолжила Лида, протянув мне листок с написанным на нем домашним адресом и e-майлом. – Телефонов у нас пока нет, нужно подключить. Ты не пропадай. Давай встретимся и пообщаемся.

– Да, конечно. – Я почему-то не верила, что снова пересекусь с ними, но контакты взяла.

5

Я вышла в зал ожидания, в отличие от московских, ничем не огороженный. На меня не налетела толпа водителей, предлагая услуги такси. Тетя Клава стояла недалеко от выхода вместе с молодой девушкой, одетой в джинсы, длинную, слегка порванную белую майку, из-под которой выглядывала серая футболка, и, что меня больше всего поразило, обута была в угги. Сейчас, спустя три года, я реагирую со спокойствием на подобный фьюжен в одежде, но в тот день, когда я только тридцать два часа назад покинула модную российскую столицу, где девушки надевают шпильки в любое время дня и ночи, подобный стиль одеваться выглядел нелепым.

– Машенька! – Тетя обняла меня и поцеловала. – Наконец-то увиделись. Какая ты взрослая стала. Я-то тебя помню совсем малышкой. Знакомься, это моя средняя дочь, Катя.

– Привет, Катя.

– Привет, как дела?

– Отлично. У вас что, холодно? – спросила я, снова посмотрев на ее обувь и ярко светившее за окном летнее солнце.

– Нет, сегодня почти двадцать пять. Вчера такой сильный дождь лил, а сегодня, как будто специально для вас, жарко.

В этот момент я услышала голос Алекса за спиной: «Нашла своих». Пришлось познакомиться тетю с моими недавними попутчиками. Тетя Клава, узнав, что эти двое переехали жить в Новую Зеландию, тут же позвала их в гости на выходные, сказав, что будет рада взять под крылышко новых жителей. Когда Алекс и Лида, поблагодарив тетю за приглашение, ушли, я спросила ее:

– А вы обо всех проявляете такую заботу?

– Конечно, Машенька, я возглавляю совет русско-новозеландского клуба, – не без гордости сообщила мне тетя Клава, напомнив тем самым бывшую соседку по квартире – Эльвиру Артемьевну, ярую коммунистку. – Мы помогаем всем русским, переехавшим в Новую Зеландию, даем полезную информацию, проводим встречи, собрания, вспоминаем о лучших годах в России. У нас есть даже клуб самодеятельности, сайт. – «Точно, копия Эльвиры. У них тоже был клуб и партсобрания, ей только не хватает орущего попугая на плече: «Клава, Клава, жрать хочу!» – Правда, газеты нет – в Веллингтоне нас опередили. Но зато теперь, когда ты приехала, думаю, мы это быстро исправим.

– Что вы хотите этим сказать?

– Как же?! Мне мама рассказала, что ты писатель.

– Журналист, но давно не работала по профессии.

– Уверена, ты быстро все вспомнишь, – не унималась тетя. – Нам очень надо сделать газету. А?!

– Тетя Клава, я пролетела тридцать два часа, и все, что мне сейчас хочется, – это принять душ, переодеться и покурить!

– Покурить?! – возмутилась тетя. – Ты куришь?

– Да, вы же знаете, у всех творческих людей есть две пагубные привычки: сигареты и алкоголь. А третья – женщины.

– Что? – Кажется, тетя не ожидала от меня таких откровений, особенно при ее дочери.

– Я пошутила.

– Мне мама рассказывала, что у тебя проблемы с женихом. – Тетя вздохнула с облегчением.

– А что еще?

– Машенька, твоя мама переживает. Ты была такая славная девочка, а тут раз – и решилась уехать на край света, с женихом поругалась.

– Я не поругалась с Даней – просто ушла от него. – Я извлекла пачку сигарет из сумочки и с удовольствием закурила. На улице было жарко. «Как же она носит в такую погоду эти валенки?» Я все еще думала о странном Катином выборе обуви.

Тетя, поморщив нос, остановилась рядом со мной, отправив дочь расплатиться за парковку.

– При Кате не хотела спрашивать. Ну что у вас там случилось?

– А мама ничего не сообщила?

– Да не верит она тому, что ты ей говоришь. Думает, что ты его выгораживаешь.

– Ну и пусть думает.

– Маша, нельзя же так. Люди не расстаются без причин.

– Причина только во мне самой, но если никого из вас не удовлетворяет такая версия, давайте придумаем что-нибудь более примитивное – например, у меня появился другой.

– Надо же. И кто же он?

– А, так, один новозеландец. Я к нему и приехала.

– Неужели?

– Да, правда, он сейчас в отъезде, но должен скоро вернуться.

– Ты шутишь?

– Нет, я говорю правду. Ведь это звучит правдоподобно?

– Да!

– Я понимаю: поверить, что человек хочет найти свой духовный путь, что ему нужно одиночество, время на раздумья, очень сложно. Так только дураки делают. А нужно, чтобы все было правильно. В моем возрасте девушки думают о браке, семье, детях.

– Да!

– Вот и давайте верить в эту чушь.

– А как его зовут? Где вы познакомились?

– Тетя, это такая долгая история. – Я чувствовала, как во мне просыпается журналистский талант, ведь я была мастер сочинять небылицы, а тетя, кажется, больше обрадовалась такой примитивной причине моего отъезда. – Расскажу вам по дороге.

Пока мы ехали, я рассказывала тете Клаве и ее дочери свою историю, выдумывая на ходу все перипетии моего общения с несуществующим другом, и поглядывала в окно. Правда, ничего впечатляющего не было: огромные железобетонные склады, рекламные щиты, чистые тротуары, небольшое количество машин, повсюду растущие пальмы. Вдалеке показались дома, возвышающиеся один над другим наподобие лесенки. И только я подумала: «Неплохо, но ничего особенного, среднестатистический городок», как машина остановилась на светофоре недалеко от автобусной остановки, и я увидела женщину с ребенком. И в этом не было бы ничего особенного, но у ребенка отсутствовала обувь. Я присмотрелась внимательно: может, мама держит туфли в руке? Нет. Они не производили впечатления нищих или бродяг, но, видимо, ребенок так и вышел из дома босиком. Даже спустя три года этот образ не стерся из моей памяти: женщина с крупными чертами лица, в обтягивающей белой юбке-карандаш и белой футболке, а рядом с ней смешной мальчуган с кучерявыми волосами, как у мамы, он одет в темно-синие шорты и красную футболку, а в руке держит машинку. Он выпускает мамину руку, делает несколько шажков босыми ступнями в сторону лавки – и начинает играть с машиной, катая ее по металлической поверхности. Он весел и беззаботен, отсутствие обуви не доставляет ему никакого дискомфорта. И на протяжении моего проживания в Новой Зеландии я постоянно встречала таких детей, но из всех из них мне запомнился именно этот малыш.

По словам тети, ее дом находился в очень хорошем месте, расположенном всего лишь в пятнадцати минутах езды до центра. «Даже называется „райская гора“², – добавила тетя. – Вот увидишь, там прекрасно, как в раю. Находится на возвышенности потухшего вулкана».

Тетя отвела для меня небольшую комнатку на втором этаже ее дома, откуда открывался незамысловатый вид на соседский двор, где виднелись детские качели, песочница и собачья конура. В комнате стояли одноместная кровать, небольшая тумбочка, стул. Шкаф был встроенным. Ванну мне предстояло делить с дочерями тети Клавы. Я помню, как Катя показала мне полку, где я могу поставить свою косметику. «Чудесно, спасибо», – широко улыбаясь, сказала я, а сама подумала: смогу ли я здесь что-то уместить? Полка была микроскопическая и в итоге вместила только мою зубную щетку, пасту, гель для умывания и лосьон. Для всех моих баночек с кремами, пудрой и флакончиков с духами места не хватило, не говоря уже про скрабы, гели для душа, пену и соль для ванны (кстати, они оказались мне не нужны за отсутствием в этом доме ванны как таковой), ароматические свечи... Все это так и осталось нераспакованным в сумке для косметики. Катя с удивлением наблюдала за моими манипуляциями, как я стараюсь пристроить ну хоть еще один флакончик на выделенную мне полку в ванной.

– Зачем тебе столько косметики? Ты продавать ее тут будешь?

– Хорошая шутка. – Я засмеялась.

– А зачем тогда?

– Ну как же... Сегодня одни духи, соответственно гель для душа с тем же самым ароматом, лосьон для тела. Маски, скрабы – я без этого не могу. Кстати, какой тут самый хороший салон красоты, не порекомендуешь?

– А что ты хочешь – подстричься?

– Нет, я имею в виду спа-салон, чтоб на массаж ходить, ну вообще все по полной программе.

– Не знаю. Я вообще не хожу в такие салоны. Это только для туристов.

Приняв душ и переодевшись, я спустилась вниз. Дом у тети был милый, и видно, что она им очень гордилась. Еще бы, по сравнению с ней большинство ее русских подруг и родственников жили в нищете, ютясь в небольших двух- или трехкомнатных квартирах. А здесь внизу была гостиная, соединенная со столовой и кухней. Двери выходили в сад, где стояли беседка с лавкой-качелями, мини-фонтан в виде статуи «а-ля греческая» и установка для барбекю. Сад окружал весь дом, заканчиваясь рядом с подъездной дорогой, выложенной брусчаткой, вдоль которой тянулись фонари. Рядом с домом находился просторный гараж на две машины, куда еще умещались стиральная машина, сушилка и слесарный станок дяди Стивена, второго мужа моей тети. С первым, русским, она развелась – тот не смог жить в Новой Зеландии, уехал от нее обратно в Россию. На втором этаже находились спальни. Как потом оказалось, мне отдали бывшую гладильную комнату, что объясняло ее скромные размеры. С другой стороны – разве у многих русских домохозяек есть отдельная комната, где они гладят белье? В общем, по всему было видно, что быт у тети давно и хорошо налажен.

Стол был уже накрыт. Ждали мужа тети Клавы. Он вернулся минут через двадцать, весь в пыльной одежде, и, не помыв рук и не переодеваясь, сразу начал обнимать меня и целовать (хотя я видела его первый раз в жизни. Наверное, тетя когда-то слишком подробно объяснила ему этот русский обычай встречать гостей), говоря по-русски с акцентом: «Сдраусуйте, рат снакомству...» Но дальше банальных приветствий и «Как дела?» познания Стивена в русском языке, видимо, не продвинулись. Он так и смотрел на меня и все улыбался и повторял «Сдраусуйте, сдраусуйте».

---

² Mount Eden – район в Окленде, находящийся в пяти километрах от центра города.

На этом конфузы не заканчивались, а, кажется, только начинались. Я очень смущалась, боясь спросить что-то лишнее или, наоборот, сказать.

Через какое-то время пришла младшая дочь тети Клавы – двенадцатилетняя Марианна. Она была их общей дочерью со Стивеном. Девочка казалась совершенно другой, не похожей на сестру. Если в Кате еще что-то русское осталось, то Марианна была типичной новозеландской девушкой: на русском предпочитала вообще не говорить, почти не зная его. Вся ее жизнь была в Окленде, другой она не видела. Катя уехала из России пятилетней девочкой. Конечно, особенно помнить Россию не могла, но когда мы с ней разговорились, она вспомнила, как стояла с мамой в очереди за маслом, которое выдавали по полкило в руки, а если с ребенком – то еще лишние двести пятьдесят граммов. И как мама одалживала ее другим тетям, чтобы и те принесли домой больше масла. Помнила свой детский сад – не очень отчетливо, конечно, но вот разбавленные щи, дырявые колготки, промерзшие окна – все это четко осело в памяти. «Забавно, – подумала я. – Почему-то вспоминается только все самое негативное». Я решила воскресить в воспоминаниях Кати что-то хорошее:

– А помнишь новогодние елки?

Катя задумалась.

– Да, что-то такое помню... Пластиковые мишки и зайчики и внутри конфеты за три копейки. – В ее голосе я не почувствовала радости.

– Вот подожди, – сказала тетя Клава, – придет Рождество, и ты почувствуешь, какая это огромная разница. Мы его тут так празднуем, как в России никто не празднует.

– А Новый год? – спросила я.

– Хм, Новый год – ничего особенного, – ответила тетя. – Дети обычно куда-то уезжают отдыхать на эти дни, а вот в Рождество вся семья в сборе, друзья. Ты в этом году будешь почетной гостьей, мы тебе очень рады.

– Спасибо, я тоже рада.

Я врала. В моей голове проносилось: «А как же Новый год? Я что, останусь в этом году без любимого праздника? Нет, не может такого быть... Мне нужны елка, бой курантов и новогоднее поздравление президента по телевизору, а еще непременно „Ирония судьбы, или С легким паром“. Хотя с этим проблем не будет, я привезла диск с собой».

Сели за стол. В доме все разговаривали исключительно по-английски, что поначалу оказалось для меня очень трудным. Я часто не успевала за словами. Несмотря на хорошее знание языка, новозеландский акцент показался мне очень сложным. Тетя изредка делала исключение для меня и переходила на русский язык. По ее собственному выражению, она любила «поворковать» со мной на русском. Тогда все остальные члены семьи замолкали и прислушивались к нашему разговору, отчего мне становилось не по себе. Болтаем о пустяках, а такое внимание, словно рассуждаем на возвышенно-духовные темы. Но тетю, в отличие от меня, это не смущало, из чего я сразу сделала вывод, что в доме принято слушаться именно ее, а не Стивена, что впоследствии только подтвердилось.

Обед был вкусным: свежие овощи, мясо, поджаренное дядей Стивеном на барбекю, на гарнир – запеченный картофель. Пили игристое вино. Я тут же узнала от Кати местный сленговый вариант – «bubbly». На десерт тетя подала торт, напоминающий «Киевский», но вместо кремowych розочек его украшали взбитые сливки, клубника и киви.

– Это тебе. Особенно старалась к твоему приезду, – сказала тетя и протянула мне нож, чтобы я разрешила торт.

– Что это?

– Это «Павлбва». Самый популярный торт в Новой Зеландии.

– Странное какое название, – сказала я. – Что-то напоминает, только не пойму что.

– Это же ваше русское слово, – добавила Марианна.

В моих мыслях пронеслась тысяча слов, но такого я не могла вспомнить. Что-то с ним было не так. Меня все принялись уверять, что оно самое что ни на есть русское. Но потом, разложив его по буквам, я поняла, что это не просто слово, а фамилия: не «Павлóва», а «Пáвлова».

Это же известная русская балерина – Анна Павлова.

– Не все ли равно? – удивилась Марианна. – «Павлóва», она и есть «Павлóва».

– Почему вы произносите неправильно? – спросила я. – Тетя, это же русская фамилия. Что за коверкание?

– Ой, Маша, все тут так говорят. Какая разница?

– Но это же неправильно.

– Лучше попробуй торт, он такой вкусный. И легкий.

И сколько бы я ни объясняла всем, что ударение нужно делать на первое «а», никого этого не волновало – наоборот, меня пытались уверить, что я не права. А то, что это русская фамилия, наверное, лишь деталь. Я поняла, что даже для моей тети Россия и все русское стало далеким мифом.

Я попробовала торт. Ничего более безвкусного я никогда в жизни не ела. Это была какая-то масса, напоминающая безе, и все, что чувствовалось, – вкус жирных сливок, которыми был украшен торт, и фруктов.

– Вкусно? – спросила тетя Клава.

– Очень. Вы сами пекли?

– Нет, ты что! – Тетя рассмеялась. – Заготовка в любом магазине продается, мы только покупаем и украшаем.

«Всего делов-то, – подумала я. – Понятно, почему такая гадость. Вот помню, какие торты делала моя мама.. Это что-то...»

Вечер прошел неплохо. Здесь, конечно, так и просится слово «незаметно». Но нет, именно его приближение, колебания я заметила. Солнце село быстро. Около девяти вечера воцарилась тишина, прерываемая нашими голосами и шумом из соседних домов. В воздухе пахло свежестью, он был теплым и согревающим. Даже не верилось, что всего в тридцати двух часах лета отсюда есть город, где падает снег, зажигаются огни, образуются километровые пробки, люди спешат домой по обледеневшему асфальту, влюбленные пары согреваются глинтвейном в заполненных до отказа кафе, где поздним вечером ярко от мерцающих витрин магазинов, где постоянный непрекращающийся шум. Я была окружена голосами: в расспросы тети о Москве и маме будто вливались вопросы моих подруг Леры, Дианы, Светы... И вдруг я снова возвращалась сюда, в казавшееся нереальным лето, и с трудом объясняла моим кузинам, почему в московских ресторанах так дорого и что такое фейс-контроль. Тут же возникал образ моих недавних попутчиков. «Одна... Одна», – раздавалось эхом в голове.

Я устала и ушла наверх...

6

...Я по привычке стояла возле окна, наблюдая за двумя детьми, играющими в пустом дворе. Еще несколько десятилетий, и двор станет никому не нужным – дети вырастут, а вместе с ними отпадет необходимость в качелях и песочнице. А другие дети? Ведь на смену им должно прийти новые первооткрыватели, видящие мир совершенно по-другому, не так, как мы – взрослые. Но у меня почему-то не возникало ощущения, что здесь будут слышны новые детские голоса, как сейчас я даже не слышала, о чем говорили эти двое.

Между тем девочка залезла на качели, а мальчишка осторожно прижался к столбу и ждал своей очереди. Его губы шевелились, словно в такт раскачиванию качелей. Девочка с неохотой отвечала, а малыш все тараторил.

– И о чем они только говорят? – произнесла я вслух.

Даня закашлял, я обернулась и подала ему стакан воды:

– Я думала, ты уснул под мои новозеландские истории.

– Нет, – ответил он, отпив воды, – всего лишь прикрыл глаза. Я путешествовал вместе с тобой. Так сколько ты прожила у тети?

– Не очень долго, съехала сразу после Нового года, еще до моего дня рождения.

– Было скучно?

– Тетя оказалась непростой женщиной. Ее семья и образ жизни – это был другой мир.

– То есть? Почему?

– Как будто я вернулась в обустроенный вариант Советского Союза: все статично и однообразно.

– Разве не спокойствия ты хотела?

– А его там не было. Меня никто не оставлял в одиночестве ни на минуту. И на следующее утро после моего приезда тетя разбудила меня в семь утра со словами: «Маша, вставай, завтрак».

7

Потягиваясь и зевая, я села в кровати. Посмотрела на часы. «Она с ума сошла?» – подумала я. Но, решив не расстраивать тетю, я причесалась, надела шелковый халат, домашние туфли на невысоких каблучках, почистила зубы и спустилась вниз.

Сцена была немой: тетя Клава, ее муж и мои кузины сидели за обеденным столом, все в одинаковых спортивных костюмах, ели что-то напоминающее кашу и пили кофе. Они ошарашенно посмотрели на меня. Я, вздохнув, сказала:

– Доброе утро.

– Доброе утро, Маша, – ответила тетя. – Садись, пожалуйста, вот тебе кофе и овсянка.

Я посмотрела на блюдо. Выглядело оно не особенно аппетитно: сверху было полито жидкими сливками, в которых плавали светло-коричневые пятна, напоминающие растаявший сахар.

– Что это?

– Так едят овсянку в Новой Зеландии: варят ее на воде, а потом сверху добавляют мягкий коричневый сахар и заливают сливками. Очень вкусно, попробуй.

– Э-э, я бы с удовольствием, – сказала я, а сама подумала, что это выглядит просто отвратительно, – только я так рано не завтракаю, да и вообще, мой завтрак – это кофе и сигарета. – Я достала из кармана пачку и уже намеревалась закурить, как услышала:

– Маша, в нашем доме не курят. – Тетя сделала акцент на последнем слове. – Зачем? Это так вредно.

– Люблю все, что вредно.

– Ах, ну и Россия... что за обычаи у вас там. Правильно сделала, что приехала сюда – мы тебя перевоспитаем.

– Не поздно ли, тетя, перевоспитывать? – спросила я, отпив кофе, и встала из-за стола с кружкой. – Мне почти двадцать восемь. А в саду можно покурить?

Тетя поморщилась, но сказала: «Да, можно, гостям это разрешается».

Видимо, я испортила им утро. Семейство наблюдало за мной, не сводя хмурых взглядов. Представляю, что они думали. Я вышла в сад, присела на лавочку, с удовольствием закурила сигарету и отпила кофе. Тетя пару раз улыбнулась мне, но ее улыбка была уж слишком сделанной, чтобы походить на искреннюю.

– А мы собрались на пробежку, – сказала тетя. – Здесь это очень популярно. Сейчас сядем все в машину, поедem на Mission Bay, там длинная пляжная линия. Мы занимаемся бегом каждые выходные.

– Здорово, – сказала я и, чтобы показаться заинтересованной в спорте, спросила: – А спортклуб есть рядом?

– Да, только зачем тебе тратиться и бегать в душном помещении, когда гораздо приятнее пробежаться на свежем воздухе, – сказала тетя Клава. – Давай собирайся.

– Хорошо, – сказала я, докуривая сигарету и вспомнив, что действительно можно пробежаться, заодно «выгулять» мой новый плюшевый спортивный костюм.

Сделав легкий макияж, надев костюм и кеды, я спустилась вниз. Кузины в сереньких, явно не первого года свежести, майках и штанах выглядели на моем розовом фоне тускло. Несмотря на нежелание с кем-либо знакомиться и уж тем более заводить серьезные отношения, я все же дала волю фантазии и, сидя в машине, представляла себе, как бегу по набережной, а навстречу мне – загорелый красавец в спортивных шортах, с голым торсом и в солнечных очках. Но меня ждало разочарование: никаких загорелых красавцев не было – в основном семьи или друзья, пары, подружки...

После пробежки мы отправились восстанавливать потраченные калории в местном рыбном магазине. Для меня подобное предложение звучало дико, но уж если я согласилась на одно, надо было соглашаться и на другое. Когда тетя мне сказала: «Lets go to fish and chips shop», я перевела это для себя как: «Сейчас мы пойдем и купим рыбу». Но оказалось, что это был никакой не магазин, а фастфуд, где ты покупаешь приготовленную во фритюре рыбу и картофель фри. Стивен быстро, не заглядывая в меню, заказал каждому по куску «рыбы дня» и по порции картофеля. Еще мне, заморской гостье, досталось такое кушанье, как жаренный в тесте ананас, и сыр дор-блю.

Через десять минут дядя вышел из магазина с большим бумажным кульком, бутылкой кетчупа и минеральной водой. И мы отправились на пляж. Это был первый раз, когда я попробовала одно из самых традиционных блюд Новой Зеландии – «fish&chips». Не могу сказать, что поначалу была в большом восторге: слишком жирное, много панировки, а самым странным был процесс поедания. С этим бумажным пакетом мы устроились на траве – ни пледа, ни даже пластикового пакета в качестве подстилки не было. Дядя раскрыл кулек, каждому выдал немного кетчупа и тут же принялся за еду. Мне все это напоминало прием пищи у первобытных людей, не хватало только разведенного в сторонке костра и освежеванной туши животного. Оглянувшись, я заметила, что мы не одни в парке заняты поеданием фиш-энд-чипс: вон мама с маленьким ребенком. Пока тот резвится на площадке, она пристроилась с заветным кульком на лавочке. А вон двое серфингистов идут к пляжу, где, видимо, и собираются обедать.

В одно мгновение мои пальцы стали соевыми, покрытыми солью. Но, наверное, это не пришлось мне по душе с непривычки. Через два года я уже не представляла себя без подобной еды. Наверное, какой-нибудь русский, эмигрировавший в Китай, после пары лет тамошней жизни с такой же легкостью поедает жареных кузнечиков и сушеных тараканов. Бырр-бырр... нет, лучше даже не представлять себе этого.

Уже прожив какое-то время в Окленде, я поняла, что новозеландская еда – это не высокая французская кухня. Чего-то исключительно новозеландского здесь почти нет: разве что киви и до конца не отвоеванная у австралийцев «Павлова», а те же fish&chip – типично британское блюдо, завезенное колонистами. Знаменитые бараньи ребрышки, мясо ягненка с тем же успехом делают на Кавказе и гораздо дольше. Слишком молодая это страна, чтобы у нее было много исключительно своего. Если новозеландская природа каким-то удивительным образом смогла собрать на крошечных островах всевозможные богатства, начиная от русских берез, горных заснеженных вершин и заканчивая гейзерами, джунглями и океаном, то новозеландская кухня собрала в себя все, что только мог придумать человек. Здесь по-итальянски любят пиццу и пасту, по-французски – вино, шампанское и устрицы, здесь в каждом городе есть сотни рыбных магазинов, торгующих свежей рыбой, свои чайна-тауны, где можно отведать любое китайское блюдо, а если захотелось карри – пожалуйста, отправляйся в индийский район, пропустить который невозможно – еще за несколько кварталов слышится запах специй, а перейдя дорогу, уже можно оказаться в Таиланде, Вьетнаме, Японии. Все вкусно и дешево.

Но могу с уверенностью сказать, что это не страна еды. Это не Италия с ее невероятным культом съестного. Приехать в Италию и питаться абы чем невозможно. В Новой Зеландии – легко.

8

В воскресенье было обещанное барбекю в мою честь. Тетя, надо отдать ей должное, расстаралась на славу – сделала русский обед вперемешку с новозеландским. Этих нескольких дней мне было достаточно, чтобы сделать вывод: она представляла собой некий гибрид современной цивилизации и советского взгляда на жизнь. Даже в том, что она была замужем за Стивеном, было что-то советское, потому как тот не был каким-то особенным «заграничным» парнем, а вполне мог сойти за колхозника Степана, каковым почти и являлся.

Но у тети была очень милая русская черта, раскрывающая ее больше, чем все остальные, но которой она, видимо, стеснялась: тетя любила пить чай по-старинному, вприкуску. Это я заметила в первый же день. Всякий раз, когда кто-то просил чая или тетя сама предлагала его, она шла на кухню со словами: «Пойду похлопочу». Ведь это просто непереводаемо на английский! На кухне тетя Клава доставала красивый белый чайничек, расписанный гжелью (видимо, тоже одна из ее ностальгических слабостей. Гжель, хохлома, павловские платки и, конечно же, самовар – все эти предметы русского промысла заполняли дом в самых разных уголках, но, видимо, священный трепет они вызывали только у нее самой, остальные же домочадцы относились к ним как к обыкновенным бытовым предметам), обдавала его крутым кипятком, затем тут же накрывала варежкой-бабой, сшитой из разноцветных лоскутков.

Пока чайник согревался, тетя ставила небольшую стремянку, залезала на нее и доставала с верхних полок встроенного шкафа множество железных и стеклянных баночек, представляющих собой сплошной винтаж: там были банки из-под индийского чая со слоном, коробки, расписанные по мотивам народных сказок, и тут же попадалась какая-то самая простая банка из-под дешевого кофе, но выяснилось, что именно эту банку тете подарили на работе, когда она еще жила в Союзе, поэтому она для нее слишком памятна. Когда все банки оказывались на столе, тетя начинала колдовать: засыпала горстку черного чая, снова ждала, когда закипит чайник, и тут же, еще булькающим кипятком, заливала листья. Осторожно размешивала, потом туда же бросала маленькую щепотку соли и чуть больше – сахара, затем в чайник летели самые разнообразные травы, коренья, сушеные корки апельсинов, цветы, ягоды всевозможных сортов и прочее, и прочее. Потом все это она заливала кипятком во второй раз, аккуратно перемешивала деревянной лопаточкой и накрывала варежкой. Тетя настаивала заварку долго, хлопоча о чашках, блюдах, сахарнице и сладком. Поэтому меня не удивило, что за то время, пока настаивался чайник, на кухню успевал зайти Стивен или Катя и сделать себе «сирра»³, бросив в большую кружку заварочный пакетик, поболтать его там из стороны в сторону, плюхнуть ложку сахара и немного молока.

А тетя тем временем все ждала. Вот заварка поспевала, она разливала ее по чашкам и отправляла меня за стол: «Иди, садись, Машенька, сейчас принесу». Первый раз я, конечно, послушалась и ушла, но потом, вместо того чтобы сесть за стол, отправилась покурить в сад. И оттуда сквозь прозрачную стеклянную дверь увидела то, что тетя от всех скрывала. Она налила заварку и кипяток в чашки, быстро управилась с теми, которые предназначались мужу, дочерям и мне, а вот со своей задержалась на полминуты. Украдкой тетя взяла кусочек сахара, надкусила его и сделала глоток, положив обгрызенный кусок на блюдце. Лицо ее при этом выражало полное удовольствие и счастье, словно это были самые приятные секунды в ее жизни. Потом тетя взяла чашку с блюдцем, ступая аккуратно, чтобы не расплескался янтарного цвета кипяток, села за стол и тут же бросила кусок сахара в чай, пока никто не видел. При этом она пару раз вздохнула и посмотрела по сторонам, словно вор.

³ Кружка чая или кофе (англ. сленг).

«Чай готов, – говорила тетя, когда ее тайное действие было завершено. – Все за стол». Тетя подвигала сахарницу Стивену, обращаясь при этом ко всем: «Я сахар никому не клала, берите сколько нужно, себе я уже подсластила». И через минуту спрашивала: «У вас сладкий чай? Сахара достаточно?» «Да, спасибо», – отвечала Катя или я. «А у меня несладкий, – говорила тетя. – Ничего, так попью». «У тебя он всегда несладкий», – комментировал Стивен, а я удивлялась, что, живя в браке столько лет, он даже не знал об этой маленькой слабости жены, которой та, видимо, очень стыдилась. «Вот так, – отвечала тетя. – Бывает, мне не очень хочется сахара».

И в то воскресенье на столе, видимо, оказались все «маленькие слабости» тети Клары: рядом с жареной бараниной и телятиной, овощами и «Павлѳва» соседствовали квашеная капуста, домашние малосольные огурчики, водка, тот же банальный оливье, селедка под шубой, а вместо пирожков – новозеландские scones с сыром или изюмом, напоминающие ту же самую домашнюю выпечку.

Алекс и Лида не забыли и тоже пришли, чему я была несказанно рада. Сообщили мне, что обустроились в двухкомнатной квартире в центре города, недалеко от работы. Мне же они шепнули, что, по местным меркам, я живу очень далеко. К тому же таким образом они сэкономили на машине – отпала необходимость в ее покупке. Так как особенно путешествовать они не собирались, то решили ограничиться такси, которое можно заказать всегда, и оно вполне комфортабельно для поездок по городу (это не московские частники на разваливающихся машинах). Но я, вместо того чтобы подумать о переезде, задумалась о курсах вождения.

Обмолвившись об этом тете Клаве, услышала, что с этим не должно быть проблем и меня с радостью будет подвозить либо ее муж, либо Катя.

Тетя, вы меня не поняли, мне не нужно, чтобы меня кто-то подвозил, встречал, – продолжала я. – Я хочу научиться водить машину.

– Зачем? Разве мы тебе откажем в помощи?

– Не в этом дело, просто *это* удобно.

– Хм, – удивилась тетя. – Вот я, например, не умела и не буду уметь водить машину. Меня всегда отвозит Стив или девочки.

«А все остальное время сидишь дома, – подумала я. – Ты же от них полностью зависишь».

– А чем я хуже, тетя Клава? Я бы тоже смогла отвозить вас куда угодно.

Видимо, такой поворот дела понравился, ведь у нее потенциально появлялся еще один водитель.

– Ну хорошо, мы узнаем о курсах вождения для тебя. Но предупреждаю: я не люблю быструю езду, эти сумасшедшие гонки.

Это обещание тетя так никогда и не выполнила: искать автошколу в декабре, накануне Рождества, было бессмысленно. А в январе я уже съехала от нее. Как я уже говорила, отношения у нас сложились своеобразные – точнее, не сложились вовсе. Особенно после того, как во время обеда на очередной вопрос тети, когда же приедет мой новозеландский приятель, я рассмеялась и сказала, что это была шутка.

– Значит, ты меня обманула? – спросила тетя, вдруг резко перейдя на английский язык. Наступила пауза. Стивен пытался дожевать кусок побыстрее, как будто он мешал ему слышать. А девочки разом притихли. Призывно посмотрев на всех сидящих за столом, тетя продолжила: – Разве так можно, Маша?! Я желаю тебе только добра!

– Тетя, я вас не обманывала. С самого начала сказала вам правду, в которую вы отказались верить. А существование нового молодого человека показалось вам более убедительным. Мне же все равно.

– Как? Врать родной тетке?! – Она приложила руки к груди. Еще пара подобных фраз с моей стороны – и, наверное, ей не избежать визита врача. Она продолжала смотреть на всех умоляющим взглядом, ища сторонников. Но Катя улыбнулась, а Марианна хихикнула.

– Не нужно доводить все до абсурда, тетя.

– Маша пошутила, – видимо, решил заступиться за меня Стивен.

Но это возымело совершенно другое действие.

– Что ты такое говоришь, Стивен? Что ты оправдываешь ее? Посмотри, какой пример она подает нашим девочкам. Может, в Москве так принято: ушла от одного, приехала к другому, а теперь думает о третьем.

– Тетя, я приехала только к вам в гости. Мне не нужны лекции относительно моего поведения. Я устала от всего, хочу отдохнуть. Я устала оправдываться перед всеми и выстраивать свою жизнь так, как этого ожидают от меня другие. Если вам не нравится – мне все равно, потому что это мое личное дело, как я живу.

Все! Это было последней каплей. Тетя покраснела от возмущения, отчего ее выкрашенные в белый цвет волосы стали казаться еще блее, и тетя стала похожа на альбиноса, выпучившего глаза и вот-вот готового упасть в обморок или забиться в эпилептическом припадке. Она бросила свою салфетку на стол, демонстративно вышла из-за стола и ушла в соседнюю комнату, куда за ней через секунду отправился Стивен.

Лида, Алекс и я отправились в сад на перекур, где я пересказала им свою выдуманную историю, над чем они долго-долго смеялись. Минут через двадцать тетя вернулась, держа в руке носовой платок.

– Извини меня, Маша, – сказала она. – Я просто отношусь к тебе как к собственной дочери. Мне все это показалось очень странным.

Торжественный обед превратился в драму, а конфликт явно не исчерпал себя. Все последующие до Рождества выходные я встречалась с Лидой и Алексом, поняв, что досуг родственников сильно отличается от привычного мне. Моим поведением продолжали оставаться недовольны, и уже не только тетя, но и вся семья. Я возвращалась по пятницам и субботам в два-три часа ночи, и хоть у меня был собственный ключ и открывала и закрывала дверь я очень тихо, все равно тетя непременно просыпалась и начинала выговаривать мне, что я не даю им спокойно спать, а им с утра на пробежку, и вообще я должна думать о том, как я живу, а не шлаться бог знает где по ночам.

В последние выходные перед Рождеством я и вовсе вернулась домой только на следующий день, в воскресенье вечером, и тут же поняла, что совершила какой-то смертельный грех.

– Твоя мама звонила, – сказала тетя Клава. – Спрашивала, как ты. А я не знаю, как ты, потому что не знаю, где ты. Ты не звонишь и вообще, видимо, думаешь, что тут у нас гостиница.

– Минуточку, я должна отчитываться за каждый мой шаг? Я уже большая девочка. И не ваша дочь. Спасибо за гостеприимство, но думаю, что мне лучше подыскать другое жилье.

– Маша, зачем ты так категорично?! Скоро же Рождество, давай не будем портить друг другу настроение. Я просто переживаю за тебя. Где же ты была?

– Вообще-то это вас не касается, но если так интересно – у друзей. У Алекса и Лиды.

– Как это, меня не касается? Ты знаешь, какие тут законы? Ты можешь делать что хочешь, но так, чтобы это никак не отразилось на моей семье.

– Не волнуйтесь, тетя, мы не употребляем наркотики, не ворует и не занимаемся проституцией.

Услышав последнее, тетя поморщилась и плотнее укуталась в длинный, расписанный крупными пионами платок с бахромой, который она набрасывала ночью поверх сорочки и халата. Видимо, это какая-то привычка, потому что к концу декабря стало по-настоящему жарко и душно, так что даже ночью хотелось оставаться одетой исключительно в бикини, а никак не в теплые русские платки.

– Хорошо. А твои друзья нам понравились. Пригласи их на Рождество.

– Может, у них свои планы.

– Если у них свои планы, то понимаю, но если нет – пусть приходят, не стесняются. А ты оставайся, ни в коем случае не думай, что я тебя куда-то гоню. Кстати, ты не могла бы написать несколько статей для нашего сайта? Новогодние поздравления, шутки? Какие-то воспоминания о России?

– Тетя, а зачем вы это делаете? Вы думаете, кто-то из живущих здесь действительно тоскует по России?

– Конечно, это же наша родина.

– А зачем тогда уехали?

– Тут лучше, комфортнее, спокойнее, прекрасная экология. Не все ли равно, Маша? Но людям свойствен патриотизм.

– А еще цинизм и лицемерие. Не верю я, что вам все это нужно. Зачем тогда было уезжать? Чтобы тут вспоминать о бедной России? Тетя, сто лет назад, после первой революции и за несколько лет до второй, люди уезжали, потому что были вынуждены. Их сгибали, их гнали, они, как последние твари, бежали, прячась в товарных поездах и на пароходах, уезжали ни с чем, без надежды, без веры, без эмоций. В них все умирало, а те, кто оставался, подыхали с голоду или сгнивали в камерах под пытками. Вот они имели право испытывать чувство ностальгии, чувство потери родины. А вы-то что? Пара тысяч долларов – и билет на самолет. Интернет – и вот оно, любимое радио, а хочешь – комедии Гайдая и Рязанова. Вас же не уговаривают туда возвращаться, потому что это может быть ошибкой. К чему все это?

– Значит, ты не патриот своей родины?

– Тетя, я не большой любитель словарных шаблонов. Я мечтаю, чтобы каждый человек был счастлив в том, что он делает, там, где живет. Я приехала в поисках счастья сюда. Вряд ли останусь надолго, но в Москву не вернусь.

– Но у тебя там осталась семья, друзья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.